

Главный герой – оркестр

Актуальная драма в Метрополитен-опере

Культура. – 2002. –
31 янв. – 6 февр. – с. 11

Самая длинная опера Джузеппе Верди – “Дон Карлос” – идет в театре Метрополитен в полном, пятиактном варианте, который длится (с антрактами) четыре с половиной часа. Импульсивная, добротная, в реалистических традициях постановка 1979 года регулярно возвращается на эту сцену, и пару лет назад в ней в роли королевы Елизаветы очень успешно дебютировала Марина Мещерякова, о чем наши читатели, вероятно, помнят.

Не думаю, что меломаны ринулись бы с таким энтузиазмом в Мет на очередное возобновление старого спектакля, не соберись в нем на сей раз уникальный исполнительский состав: Валерий Гергиев за пультом, Дмитрий Хворостовский – маркиз ди Поза, Галина Горчакова – Елизавета, Сэмюэл Рэми – король Филипп, Паата Бурчуладзе – Великий Инквизитор... “Дон Карлос” стал единственным пока названием сезона, билеты на все спектакли которого распроданы.

Говорят, генеральная репетиция и первый спектакль “оставляли желать”. Я была на втором, в котором было... все. Как в жизни.

Начнем с того, что первый акт, который в большинстве театров купируется, оказался несколько вялым. Это как бы предыстория трагедии: встреча в лесу Фонтенбло Елизаветы Валуа с наследником испанской короны Карлосом, вспыхнувшая между ними любовь и внезапное

известие о том, что король Филипп, отец Карлоса, предпочитает сам жениться на молодой французской принцессе, которая жертвует своей любовью и соглашается на брак с королем во имя мира для своей родины. Для двух главных персонажей это очень ответственная и драматургически важная экспозиция. Увы, с первого появления Галины Горчаковой на сцене стало ясно, что с певицей творится что-то неладное. Внешне она казалась неестественной и напряженной, голос же звучал вполголоса своей обычной силы, словно в тумане, и, несмотря на то, что дирижер “убирал” звучание оркестра до минимума, певицу почти не было слышно.

После антракта объявили о замене: вместо Горчаковой спектакль допела Вероника Вилларозел, чилийская певица с интересным, ярким, хотя не совсем ровным голосом и естественной манерой сценического поведения. После спектакля пораженный Гергиев сообщил за кулисами, что не только никогда с ней не репетировал, но даже не знаком с ней. Несмотря на это, миниатюрная Вилларозел оказалась очень убедительной Елизаветой – хрупкой, нежной, но сильной духом; ее страдания казались отнюдь не оперными, но подлинными и узнаваемыми, и, распевшись “по ходу дела”, певица замечательно провела последние картинки оперы – в поисках Филиппа и сцену прощания с

Карлосом (для справки: певица дебютировала в Мет еще в 1991 году в партии Мими в “Богеме”, а в нынешнем сезоне удачно провела партию Дездемоны в третьем акте “Отелло” в гала-концерте, открывавшем сезон).

Американец Ричард Маргисон мог бы быть отличным Дон Карлосом (у него красивый и сильный голос, безупречное дыхание и чистая интонация), если бы не однообразие вокальных красок и не тяжеловесная, далеко не романтическая фигура “типичного” тенора. Ирина Мишура, которая уже пела в Мет партии Далилы, Кармен и Азучены и которую пригласили на роль принцессы Эболи вместо запланированной ранее Ольги Бородиной, напротив, очень артистична, красива, обаятельна, с гибким меццо, шероховатости которого были почти незаметны, особенно в блестяще, с подлинным драматическим темпераментом проведенной арии-сцене (O *dol fatale*...) из четвертого акта. Было приятно услышать вновь великодушный бас Пааты Бурчуладзе (Великий Инквизитор). А Сэмюэл Рэми был очень хорош в партии еще одного властного и страдающего правителя (многие помнят его Бориса Годунова).

Однако едва ли не лучшим певцом в тот вечер был Дмитрий Хворостовский. Он преодолел свою былую сценическую скованность, хотя в пастике пока чаще пользуется общепринятыми схемами, нежели индивиду-

Д.Хворостовский – ди Поза, Р.Маргисон – Дон Карлос

ально-характерными штрихами. Главное, однако, в том, что он был практически единственным, кто смог каждую фразу и каждую заключенную в ней эмоцию донести через пение, через по-особому окрашенную интонацию. Такое богатство смыслов сегодня редко встретишь.

Нельзя, однако, не признать, что в этом спектакле главным носителем эмоций, образов, характеров и состояний был оркестр. Валерий Гергиев, явно “разогревшись” ко второму акту и находясь уже на более привычной для себя территории, сумел извлечь вместе с оркестрантами Метрополитен совершенно поразительные краски (лишний раз доказав, насколько выразителен и многозначен может быть, вопреки распространенному мнению вердиевский оркестр) и создать певцам такую мощную эмоциональную опору, что им, кажется, ничего не оставалось, кроме как просто “плыть” на оркестровой волне. Именно удивительно сыгранное вступление к арии Филиппа или зловещие звучания, предшествующие выходу Великого Инквизитора, или “серые”, словно скрежещущие аккорды перед сценой в тюрьме (примеры можно перечислять долго) стали тем камертоном, который задавал абсолютно точный тон всей сцене. И, конечно, не забудем гергиевские темпераментные нарастания, эти захватывающие крещендо и внезапные, ледя-

щие душу “провалы” в тишину, это умение создать необыкновенное, почти необъяснимое возбуждение, когда знакомая-презренная музыка вдруг звучит как открытие и тревожит и задевает, так что слезы наворачиваются на глаза, и в страданиях королей и принцев XVII века открывается универсальная человеческая трагедия.

Верди, по его признанию, хотел своим “Дон Карлосом” трансформировать оперные театры своего времени. Тогда, в 1867-м, он сочинял оперу нового типа, партитуру, в которой каждая деталь имеет смысл и значение, в которой зрителю демонстрируется не серия номеров, а драма, разворачивающаяся вокруг центральной идеи. Впрочем, задумывал это Верди или нет, но опера получилась с немалым числом идей. И отнюдь не только политических – вроде борьбы с тиранией. Опираясь на шиллеровскую трагедию, он создал великую драму отцов и детей, самопожертвования и ревности, дружбы и жадности, беспрекословного подчинения, страха перед старостью и смертью, любви и предательства. В сегодняшней интерпретации Мет ее глубина, подлинность и актуальность ясны, как никогда.

Майя ПРИЦКЕР
Фото Уинни КЛОТЦ
(Метрополитен-опера)
Нью-Йорк